

Когда Му Си вернулась домой, Су Мо уже делал уроки в своей комнате.

Услышав звук открываемой двери, он поднялся, забрал у матери из рук сумку, предложил ей немного передохнуть, а сам отправился на кухню разогревать ужин. Это был простой рис и тушёные овощи — то, что Су Мо приготовил сам.

Они молча сели за стол. Су Мо, сделав несколько торопливых глотков, отложил палочки.

— Мама, — тихо позвал он. — Я хочу перевестись в другую школу.

Услышав это, Му Си замерла с палочками на весу. Вероятно, она никак не ожидала от сына такого разговора. Ей потребовалось время, чтобы переварить услышанное.

— Что? — нахмурилась она.

Су Мо опустил глаза и повторил, не смея смотреть на мать:

— ...Я хочу перевестись.

Поняв, что он говорит серьёзно, Му Си изменилась в лице.

— Что-то случилось? Что тебя тревожит?

Су Мо прикусил губу:

— Просто... мне сложно общаться с одноклассниками...они... они всё знают.

Большого он сказать не решался. Ему не хотелось, чтобы Му Си волновалась, поэтому он лишь туманно подыскивал предлог, надеясь, что она согласится на смену школы.

Но Му Си не могла не волноваться. После того, что случилось с семьёй, Су Мо стал трогательно рассудительным. Всего полгода назад его повседневная жизнь вращалась вокруг лимитированных коллекций игрушек, элитной школы, роскошных автомобилей, семейного поместья и частной художественной галереи. А теперь он ютился с матерью в двухкомнатной квартирке с небольшой кухней, которая была меньше прежней ванной. Он научился готовить простую еду, тихо делал уроки и ждал возвращения Му Си.

— Они тебя обижают? — спросила Му Си.

Су Мо сначала покачал головой, а потом кивнул.

Учебное заведение «Вэньхуа» было невелико. Ученики здесь — все из богатых и знатных семей, знакомых друг с другом. История, что полгода назад случилась с кланами Чжоу и Су, разлетелась по всему высшему обществу Девятого округа. Некоторые из приятелей Су Мо то и дело шептались об этом за его спиной. Дом Су пал, но род Чжоу по-прежнему оставался значимой семьёй. Мощь его была не чета обычным богачам. Все трепетали перед Чжоу Цяньчэном, а о Су Мо говорили разные гадости.

Су Мо был готов терпеть пересуды, но как-то так вышло, что он привлек внимание школьных хулиганов. Те начали распускать руки, и с каждым разом всё больше. Учителя делали вид, что не замечают, а ученики тем более в это не вмешивались.

Су Мо не хотел тревожить Му Си, поэтому терпел издевательства и побои, стиснув зубы. Мысль о переводе давно вертелась у него в голове, и сегодня он наконец набрался смелости

заговорить об этом. Но он говорил лишь о пустяках. О том, что его избивают, — ни слова. Этого он ни за что не мог позволить матери узнать.

Му Си протянула руку и мягко накрыла его ладонь.

— МоМо, — вздохнула она. — Как только ты поступил в школу, мы внесли полную плату за всё обучение. Если переведёшься, деньги не вернут.

«Вэньхуа» являлась школой полного цикла, объединявшей среднюю и старшую ступени, всего шесть лет обучения. Плату взимали сразу за весь срок, и сумма была умопомрачительной. Для семьи Су раньше это были сущие копейки, на которые никто бы и не обратил внимания. Но после того, как род Су постигла беда, их дела резко пошли под откос.

Сейчас Су Мо учился в девятом классе, летом следующего года он должен перейти в старшую школу. Если он продолжит учиться здесь, то хотя бы за оплату старшей школы можно было не беспокоиться.

Перевод означал, что в новой школе придётся платить заново, плюс переводные и прочие сборы. Все это немаленькие деньги.

Когда-то семья Су создала для Су Мо довольно значительный целевой образовательный фонд — каждый месяц можно было снимать определённую сумму. После банкротства и распродажи имущества эти деньги не подлежали изъятию, но отец всё ещё лежал в больнице, и ежемесячные огромные счета на лечение съедали этот фонд. У семьи просто не имелось лишних денег, чтобы оплатить его переход в другую школу.

И теперь этот груз стал для Су Мо камнем, тянущим на дно.

Су Мо молча теребил белую вязаную скатерть. Тишина затягивалась.

Му Си не выдержала первой:

— МоМо, завтра я поговорю с твоими учителями...

— Не надо, мама, — перебил её Су Мо. Он поднял голову и выдавил едва заметную улыбку. — Не волнуйся, я сам справлюсь. Я не буду ввязываться в драки, просто сосредоточусь на учёбе. А что касается остального... просто не буду обращать внимания.

Му Си не знала, что сказать. Она с жалостью смотрела на сына. За какие-то полгода он похудел так, что на лице не осталось ни капли детской полноты, да и сама улыбка уже не та, что прежде.

— Как же тебе тяжело, МоМо... — голос её дрогнул. — Сейчас у нас такое сложное положение... Но мы справимся вместе, правда?

Су Мо посмотрел на мать и кивнул.

— Угу.

Разговор о переводе был отложен. Му Си рассеянно ела ужин. Веки тяжелели, лицо отражало усталость.

— Мама, поешь и иди спать, — Су Мо пододвинул поближе овощи, с тревогой глядя на неё.

Ведь не только Су Мо изменился. Му Си эта беда тоже согнула так, что не разогнуться. За какие-то несколько месяцев её прекрасное лицо покрылось печатью изнеможения и преждевременной старости.

После того как с Су Цянем случилась беда, его компания обанкротилась, а акции, фонды, коллекции и недвижимость арестовали. Под натиском заинтересованных в банкротстве влиятельных сил родственники и друзья начали шарахаться от них, как от чумы. Многие пережив, Му Си и Су Мо перебрались в конце концов в этот старый квартал, сняли дешёвую двухкомнатную квартирку у дороги — и наконец обрели временное пристанище.

Су Мо надо было учиться, на это требовались деньги. Счета за лечение Су Цяня тоже исправно выставляли. Другого выхода не было — маме пришлось искать работу. У Му Си была учёная степень, она окончила престижный вуз, росла в достатке. Но сразу после выпуска из университета она вышла замуж за Су Цяня и никогда не работала. А теперь, в уже солидном возрасте, ей приходилось не только терпеть последствия катастрофы, но и заново учиться зарабатывать. Не нужно объяснять, как это непросто.

По характеру она была мягкой, нежной и доброй. Перед лицом клана Чжоу и других конкурентов она почти не могла сопротивляться — оставалось только бежать. На днях ей с большим трудом удалось устроиться в мелкую внешнеторговую фирму помощницей по внутренним делам. Каждый день она работала допоздна. Прожив больше десяти лет в роскоши и неге, она с трудом привыкала к трудовым будням. Но стоило вспомнить о сыне — и она готова была терпеть, сколько бы ни пришлось.

.....

В одиннадцать вечера Су Мо закрыл тетрадь с домашней работой и откинулся на спинку стула. Мозг гудел, взгляд рассеянно скользил по книжному шкафу.

На самой верхней полке стояла коробка. Он смотрел на неё некоторое время, а затем, повинуясь неведомому порыву, встал и снял её. Снаружи на коробку успела осесть пыль. Он взял влажную салфетку, протёр её, помедлил, поглаживая рукой картонную поверхность, и только потом открыл крышку.

Автор: Та Сингэ

Читательский дневник

Это была толстая пачка листов для набросков. На каждом был нарисован один и тот же человек. Вот он читает у окна, вот играет в баскетбол на площадке, вот греется на солнце в саду. Позы разные: то лениво-расслабленные, то стремительные и резкие. Сверху лежал крупный незаконченный портрет. Художник успел прорисовать только глаза — спокойные, красивые.

Су Мо с минуту смотрел на эти глаза, не двигаясь с места. Когда он наконец очнулся, в руке у него уже был карандаш, а на бумаге появился нос. Он попробовал было нарисовать губы — и не смог. Рука не поднималась.

Он отбросил карандаш. Совсем забыл, как Чжоу Цяньчэн улыбается...

Спустя несколько минут он убрал незаконченный рисунок обратно в коробку, закрыл крышку, поставил на место и сказал себе: «Больше никогда не буду её не открывать».

.....

Урок физкультуры в спортзале закончился. Су Мо не нашёл своей школьной формы на стуле, на котором оставил, и побежал обратно в класс, сжимая озябшие пальцы, — предстоял последний урок.

Он дождался, пока класс опустеет, посидел какое-то время, потом медленно поднялся, скомкал в кулаке записку, которую всё это время вертел в руках, и бросил ее обратно в парту.

Натянув ворот свитера повыше, мальчик замер на лестничном пролёте, прислушиваясь. Убедившись, что вокруг никого, он осторожно толкнул дверь на крышу.

Крыша была небольшой, неухоженной, с низкими перилами по краям. Резкий холодный ветер с завыванием рванул навстречу и едва не сбил Су Мо с ног. На нём был только тонкий свитер. Мальчик обошёл крышу — школьной формы нигде не оказалось. В растерянных глазах застыла тихая паника.

В записке, оставленной на парте, было сказано: форма на крыше. И больше ничего. Он догадывался, чья это подлая шутка. Но не прийти не мог. Во-первых, без формы его завтра не пустят в школу. Во-вторых... это была почти единственная приличная одежда, что у него осталась.

Он так долго тянул с подъёмом, потому что боялся: приди он раньше — его подкараулят. А так — может, они устанут ждать и сами уйдут.

Он нашёл форму в грязном ведре в углу. Не брезгуя, Су Мо вытащил её и выжал. Из ведра пошел такой смрад, что заслезились глаза.

Су Мо постарался сам себя убедить: «Дома постираю, и все будет хорошо. Одежда просохнет — и запах выветрится». Он повторял это про себя снова и снова. Губы шевелились, но голоса не было.

Стремительно темнело. Тьма наконец добралась до крыши, и всё вокруг погрузилось в серый полумрак.

Но шутка на этом не закончилась.

Су Мо толкнул дверь, ведущую с крыши, — и понял, что её заперли снаружи.

Это был единственный выход. Когда Су Мо пришёл — дверь была открыта. Теперь кто-то задвинул щеколду.

Сквозь щель в ладонь шириной мальчик видел лестницу, а за ней поворот, откуда можно выйти к классу на верхнем этаже. Затем надо спуститься ниже, дойти до выхода из учебного корпуса, выйти за школьные ворота, - лишь тогда удастся сесть в тёплый автобус и вернуться домой, к маме, туда, где горит свет и его ждут...

Су Мо запаниковал.

— Есть кто-нибудь?

— Помогите...

Он не знал, сколько толкал дверь, но тяжёлый замок даже не шелохнулся. Он пробовал

кричать, звать на помощь. Но сюда и так редко заходили, а сейчас все ученики уже разошлись по домам. Ветер уносил его голос и плач, не давая звукам пролететь и нескольких метров.

Холод и страх оказались невыносимы.

Мальчик обессилел. Обхватив форму руками, он прижался спиной к стене в тесном углу, глядя на звёзды.

Паника почти ушла, сменившись апатией. Мысли ворочались в голове лениво и равнодушно.

Вот оно что...

Если он замерзнет здесь насмерть, то никто не понесет ответственность. Сам пришёл - сам виноват. Его заперли одного на крыше. И кому какое до этого дело? Этот мир без него не изменится.

Значит, вот как сильно его ненавидят...

Время словно остановилось.

Сознание мерцало. Перед глазами всё расплывалось. Раньше он занимался спортом и знал: это признаки переохлаждения. Если ничего не изменится — через полчаса он умрёт.

Интересно, сколько времени пройдёт, прежде чем его найдут?

Мама будет плакать.

Но что поделать. Отец причинил ей столько боли. Потеряв сына, сможет ли она жить дальше? Скорее всего, нет.

И ещё... этот человек. Узнает ли он? А если узнает, то что? Не будет ли ему всё равно?

Мысли брели вразброд. Наверное, мама действительно будет убита горем. Прости, мама. Как же я перед тобой виноват.

Как тяжело.

Как хочется спать.

Это была последняя мысль, мелькнувшая у Су Мо.

В сплошном тумане до него донеслись какие-то звуки — то ли глухие удары грома, то ли кто-то с силой бил по стене. С каждым мигом они становились всё ближе. Су Мо хотел открыть глаза — но веки слишком отяжелели.

Спустя мгновение раскаты грома смолкли.

Послышались торопливые шаги — кто-то бежал к нему со всех ног.

А когда сознание окончательно провалилось в темноту, последнее, что почувствовал Су Мо, был резкий холодный запах хвои.